

КОМСОМОЛЦ

Алексей Черкасов

В палеолите

Алексей Черкасов

Комсомолец в палеолите

«Автор»

2026

Черкасов А.

Комсомолец в палеолите / А. Черкасов — «Автор», 2026

Макс Ерохин, 22 года, комсомолец, техник-электромеханик, собирался всего лишь провести выходные в лесу с Катюхой. Надел парадные джинсы, купленные на толкучке за две сотни, сунул в карман спички, а в сумку — вино и отправился на «охоту». Очнулся он в грязи в одних штанах. Лес не тот: малина размером со сливу, комары — с пчелу. Люди будто сошли со странички учебника истории за пятый класс. И местный шаман строит козни. Теперь Максу предстоит: + развести огонь (спички отсырели); + стать вождём племени (его сами попросили); + объяснить дикарям, что религия — опиум народа (не вышло); + понять, что произошло с ним и с Катюхой (вариант, что Катюха — клофелинщица не рассматривается); + решить, что делать с двумя жёнами, потому что моральный кодекс строителя коммунизма этот случай не предусматривает (комсорг в голове не одобряет). Лёгкая выживальческая комедия: каменный век, советское образование и один перочинный ножик против всего палеолита.

© Черкасов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дикий лес	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Черкасов

Комсомолец в палеолите

Глава 1. Дикий лес

Дождь обрушивался сверху сплошным океаном, с какой-то звериной яростью вколачиваясь в землю и превращая почву в водянистое месиво. Неба видно не было. Сквозь густые кроны пробивался какой-то тусклый, предсмертный свет. Ветер раскачивал деревья, гудя в ветках, вспышки молний били по глазам, а гром грохотал не раскатисто, а коротко и грубо, словно из гаубицы, и от этого коллапсирующего грохота у Макса заломило виски. Всё вокруг было скрыто в густых сумерках.

Макс зажмурился от режущей боли, пронзившей затылок. Голову разламывало так, будто вчера он выпил пару литров портвейна «три семёрки». Но самым нестерпимым был звук — тонкий, пронзительный, почти ультразвуковой свист, который стоял в ушах, заглушая даже грохот стихии. Макс зажал ладонями виски и застонал. Свист вперемешку со звоном пульсировал в ритме ударов сердца и отдавался в зубах.

Он только что выбрался из какой-то глубокой ямы и теперь полуголым лежал на боку в густой грязи, щекой прижавшись к чему-то мокрому и склизкому. Макс приподнял голову — под щекой оказался мох, бурый, размокший, источающий резкий, землистый запах прелой листвы и сырости. От запаха защекотало в носу, и он чихнул, вздрогнув всем телом и даже приподнявшись над землёй. Холод проник внутрь его тела — под кожу и мускулатуру — прямо в кости и брюшную полость. Каждая клетка тела, казалось, визжала от холода, но ногам почему-то было немного теплее.

Макс опустил глаза вниз, и там, под обнажённым торсом и голым, слегка выдающимся вперёд животом, увидел брюки — это были джинсы, за большие деньги купленные им на толкучке в прошлое воскресенье.

«Ни хрена себе... — подумал он, продираясь сквозь боль, свист и грохот. — Стирать придётся... полиняют же».

Беспокойство на какое-то время вытеснило даже ощущение холода. Так, джинсы... а ещё на толкучке он купил майку — майку «Лакост», вспомнил он. Майку он подарил Катюхе... да-да-да, и Катюха была на седьмом небе, пообещав ему... дрожь прошла по всему телу Макса, и он съёжился. Катюха обрадовалась и сказала, что теперь его мечта точно сбудется, надо только подождать до выходных. И он ждал всю неделю, а в субботу они налили банку пива в кафе, прихватили бутылку «Пшеничной» и рванули за город. С кем? Вдвоём, что ли?

Наверное, вдвоём. Ну и где она, Катюха-то? Привела в лес, опоила чем-нибудь и бросила?

Лежать в грязи становилось всё холоднее. Опираясь ладонями на скользкую грязь, Макс поднялся на колени, которые сантиметров на десять погрузились в чёрную жижу. Джинсы жалко — двести рублей... Тут же волной накатило головокружение — пришлось замереть, закрыть глаза и переждать, пока мир перестанет вращаться. Тошнота медленно отступила, и он так же медленно, с усилием, огляделся.

«Точно ужрался вчера, — подумал он. — Эх...»

Вокруг стеной стоял лес. Но это был не тот ухоженный пригородный лесопарк, куда они с Катюхой собирались. Деревья — высокие, чёрные, покрытые мхом — росли так густо, что между ними почти не было просветов. Старые ели с искривлёнными, сучковатыми стволами тянулись вверх, к низким облакам, переплетаясь ветвями, создавая мрачный, плотный полог, сквозь который едва пробивался пурпурный свет от нависших туч. Там, где не было деревьев или кустарников, из земли торчали гниющие пни и стволы, а вокруг рос папоротник с побу-

ревшими, поникшими листьями и повсюду — везде-везде — лежал бесконечный слой мокрой хвои.

Исключением было место, где он стоял на четвереньках. Здесь, словно бульдозером вздыбило почву, отбросив всю хвою за пределы небольшого пятка чернозёма, который, под потоками воды с неба превратился в жирную густую грязь, медленно втягивавшую Макса в себя, словно тряпина.

Место Макс не узнавал.

— Ельник... — пробормотал он и не услышал себя. — Откуда здесь ельник? У нас же лиственный лес... Эй! — сорвалось с его губ, но голос прозвучал хрипло и слабо и тут же утонул в упавшем с неба грохоте грозы. Он откашлялся, чувствуя, как горло саднит от ледяного влажного воздуха, и закричал громче, изо всех сил, стараясь перекрыть бурю: — Есть кто-нибудь?! Ко мне! Денис! Катя!

Голос потонул в белом шуме водяных потоков, разбился о стволы и исчез без следа. Внезапно стих ветер, дождь почти прекратился, и наступила тишина. Только в ушах продолжало свистеть и звенеть.

Макс попытался встать на ноги, но в левой ступне вдруг резко стрельнула боль. Он схватился руками за ближайший ствол, обнял его, обдирая ладони о шершавую кору, и всё-таки сумел подняться, чувствуя, как противно дрожат колени. Казалось, он провёл в этом диком лесу уже минимум сутки. Тело ломило, каждый сустав ныл и жаловался на судьбу, дыхание вырывалось из груди частыми рваными вдохами.

Паника накатила внезапно, заставив его суетиться, озираться и... бояться чего-то неизвестного. Макс судорожно, почти истерично, захлопал ладонями по карманам. Джинсы обвисли от влаги и предательски сползли с бёдер. В карманах пальцы нащупали три предмета. Макс дрожащими пальцами выудил их и уронил. Наклоняться он боялся, чтобы не упасть, поэтому просто стоял над ними и рассматривал.

Первым оказался старый дедовский компас в поцарапанном, потемневшем латунном корпусе. Стекло было покрыто мелкими царапинами, но стрелка, тонкая и бледная, вращалась, как бешеная, реагируя на что-то, Максу неизвестное. Макс свёл брови — вращение стрелок вызвало какое-то воспоминание, которое, едва появившись, сразу исчезло, оставив после себя мучительный след неудовлетворённого любопытства.

Как-то были связаны его нынешнее бедственное положение и этот компас. Но как? Макс не помнил. Вращение стрелок означало магнитную аномалию поблизости и больше ничего. Дотянувшись до компаса и убирая его в карман, Макс заметил, что стрелки, чьё свечение днём обычно незаметно, ярко сияют.

Вторым предметом был спичечный коробок. Капли с кустарников и ветвей капали на картонный коробок. Макс, инстинктивно наклонившись, схватил его и отправил вслед за компасом.

А третьим был бордовый комсомольский билет. Он валялся на земле и его обложка медленно дрожала под действием ветра. Чёрный профиль Ильича смешался с грязью и с трудом угадывался над надписью. Макс поднял билет, смахнул рукой грязь с обложки и, рассмотрев страничку с отметками об уплате взносов, сунул билет в левый карман — отдельно.

Комсомольский билет он, безусловно, взял, чтобы предъявлять дружинникам-бэкэдешникам, которые шерстили окрестные леса и пляжи, куда под видом дежурства заманивали с собой легкомысленных девочек. Угрожая милицией, они выгоняли с живописных полей и из беседок незадачливых туристов, которые по неопытности не носили с собой документы, после чего занимали эти места сами.

Макс знал об этой хамской манере и с некоторых пор, выбираясь в лес, носил с собой паспорт. Гуляя по городу, он его с собой не носил. Значит, точно — они с Катюхой пришли в лес. Но тогда Катюха должна быть где-то недалеко. Макс подумал о боли в голове и ноге. А

может, это не Катюха его опоила? Может быть, на них напали хулиганы? Ему дали по башке, а Катюху... он даже зубами заскрипел при этой мысли. Поднял голову и заорал хрипло:

— Кать! Катюха!

Но никто не отозвался.

Почему-то не было ключей от квартиры. Потерял, что ли? Макс обшарил взглядом землю и, увидев в нескольких метрах металлический блеск, пошёл туда. Ковырнув землю, он извлёк ключи с брелком в виде перочинного ножика. Денег нет, сигарет нет, даже проездной куда-то исчез. Спички, компас, паспорт и ключи.

— Нет, — он мотнул головой, пытаясь стряхнуть накатывающую истерику. — Нет, это не по-настоящему. Это сон.

Он изо всех сил, хрустнув суставами пальцев, ущипнул себя за внутреннюю сторону предплечья. Кожа покраснела, вздулась маленьким белым пузырьком, и боль — такая же, как в детстве, когда он разбивал коленки — пронзила нервные окончания. Боль была настоящей. Слишком настоящей, чересчур. Пронизывающий до костей холод — тоже. Запах гнилой листвы, сырости и ещё какой-то, от которого из глубин сознания поднимался безотчётный страх — тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.